

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА ПЕТРА ИВАНОВА. ПОКОЛЕНИЕ 1870-Х КАК ИНТЕРПРЕТАТИВНОЕ СООБЩЕСТВО?

Сафронова Юлия Александровна

Европейский университет в Санкт-Петербурге,

Санкт-Петербург, Россия

jsafronova@eu.spb.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу чтения семинариста Петра Иванова, зафиксированного им памятной книжке. Иванов рассматривается в качестве представителя поколения 1870-х гг., для которого круг чтения был одним из критериев самоидентификации. Опираясь на концепцию интерпретативного сообщества С. Фиша, автор реконструирует правила обращения с литературой, принятые среди радикально настроенной молодежи. Сопоставление этих правил с индивидуальными практиками чтения позволяет задать вопрос, в какой мере зафиксированная в автобиографических нарративах картина глубокого усвоения канонических текстов, сформировавших мировоззрение народников, соответствует действительности. Автор показывает, что за внешним следованием правилам, определявшим опыт чтения Иванова, крылось хаотичное и зачастую поверхностное прочтение текстов, составлявших обязательный набор участника кружков саморазвития. Потребность опереться на мнение публицистов или достижения «реальной науки» реализовывалась им за счет случайной подборки статей из демократических журналов и научно-популярной литературы, содержание которых интересовало читателя довольно выборочно. Попытки самостоятельного изучения научных текстов наталкивались на отсутствие подготовки, приводившее к отговоркам о недостатке времени на подробное знакомство с книгой или к признаниям в непонимании прочитанного. В результате основу картины мира Иванова составляла литература второго ряда, на которую он реагировал скорее эмоционально, чем рационально, сопереживая бедным и угнетенным или восхищаясь героями романов воспитания. С точки зрения автора, именно Иванов был типичным читателем 1870-х гг., подменявшим чтение ознакомлением, но при этом способным распознавать и усваивать социальную критику из художественных произведений.

Ключевые слова: история чтения, интерпретативное сообщество, читательский дневник, народничество, поколение 1870-х гг., духовные семинарии.

Цитирование: Сафронова Ю.А. Памятная книжка Петра Иванова. Поколение 1870-х как интерпретативное сообщество? // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 3. С. 138–155. DOI 10.185722/2500-3224-2021-3-138-155 / Safronova Yu.A. Memorable Book of Peter Ivanov. The 1870s Generation as an Interpretative Community, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2021. No 3. Pp. 138–155. DOI 10.185722/2500-3224-2021-3-138-155.

© Сафронова Ю.А., 2021

MEMORABLE BOOK OF PETER IVANOV. THE 1870S GENERATION AS AN INTERPRETATIVE COMMUNITY?

Safronova Julia A.

European University at St. Petersburg,
St. Petersburg, Russia
jsafronova@eu.spb.ru

Abstract. The article analyzes the reading practices of the seminarian Peter Ivanov fixed in his diary. The author considers Ivanov as a member of the 1870s generation for whom reading was one of the criteria for self-identification. Based on S. Fish's interpretive community concept, the article reconstructs the rules adopted among radical youth for how to read literature. Comparing these rules with Ivanov's individual reading practices challenges the picture we know from the records in autobiographical narratives which presume the deep assimilation of the canonical texts by young members of the populists movement. Despite the fact that Ivanov's reading experience was determined by existing conventions, his diary shows a different picture of a chaotic and superficial reading of the canonical texts of self-development circles. The demand of the authority or the achievements of "real science" was realized through a random selection of articles from democratic journals and popular scientific literature. Attempts to study scientific texts independently ran into a dearth of knowledge which led to excuses about the lack of time for a detailed acquaintance with the book or to confessions of misunderstanding of what was read. As a result, Ivanov's worldview was based on second-tier literature to which he reacted more emotionally than rationally, empathizing with the poor and oppressed or admiring the heroes of a coming-of-age stories. Ivanov was a typical reader of the 1870s who preferred familiarization to detailed reading but at the same time was capable to recognize and assimilate social criticism from fiction.

Keywords: history of reading, interpretive communities, reading diary, populism, generation of 1870s, theological seminary.

С тех пор как в 1986 г. Р. Дарнтон в статье «Первые шаги по направлению к истории чтения» заявил о необходимости рассматривать чтение как практику, имеющую историческое измерение [Darnton, 1986], эта область исследований превратилась в самостоятельное и успешное направление, объединяющее представителей различных социальных и гуманитарных дисциплин. Сегодня уже никто не сомневается, что у чтения есть собственная история. Тем не менее многие проекты в этой области по-прежнему сталкиваются с проблемой, яснее всего осознанной теоретиками рецептивной эстетики: сложностью перехода от широкой картины практик чтения к опыту взаимодействия с текстом индивидуального читателя. Между тем именно такой опыт, осознанный Дарнтоном благодаря знаменитой книге К. Гинзбурга «Сыр и черви» [Гинзбург, 2000, с. 101–103], во многом послужил отправной точкой для манифеста 1986 г. [Darnton, 1986, р. 5–6].

Эта проблема во многом имеет источниковедческий характер. Поскольку чтение является непроблематичным жестом для большинства читателей, исследователи в основном вынуждены опираться на взгляд извне, фиксирующий нормативные представления о чтении. Типичной можно назвать книгу К. Флинт, посвященную женскому чтению в XIX в. Большая часть работы строится вокруг анализа дискурсов о женском чтении: медицинском, психоаналитическом, педагогическом и т.д. Единственная глава о практиках, в которой Флинт показывает противоречия между нормативными предписаниями и опытом читательниц, опирается преимущественно на автобиографические тексты [Flint, 1995]. При этом Флинт не проблематизирует сам жанр автобиографии. Как отмечает Д. Эллингтон, такой подход является характерной чертой «новой истории книги». Предостерегая исследователей от использования разрозненных примеров для широких обобщений, он приводит в пример сюжет о трансформации субъективности индивида через чтение «великих книг». Рассказ о том, как некий роман кого-то «глубоко перепахал», является одним из элементов самоконструирования в автобиографических нарративах и вовсе не обязательно отражает «реальность» [Allington, 2010, р. 11–28].

В дискуссии о том, в какой мере читатель свободен в своем обращении с текстом, можно выделить две крайние позиции. На одном полюсе находятся сторонники концепции «горизонта ожидания» Ганса Роберта Яусса, предполагающей, что возможности восприятия текста ограничены как у читателя, так и у автора, что делает оправданным подход к истории чтения через текст, а не через читательский опыт [Jauss, 2010, р. 7–79]. На противоположном полюсе находится Мишель де Серто с его метафорой читателя как «браконьера», превращающей чтение одновременно в акт творчества и протест против социальной иерархии, внутри которой интеллектуальные элиты создают из текстов «литературу» и диктуют правила ее чтения [Серто де, 2013, с. 287–295].

Альтернативой указанным крайностям является предложенное Стэнли Фишем понятие интерпретативного сообщества. С точки зрения Фиша, смысл прочитанного определяется не столько текстом, сколько социальной реальностью, в которой находится читатель, его установками и ценностями, которые он разделяет с другими.

Эта концепция объясняет, почему один и тот же текст может быть прочитан противоположным образом, а читатель — находиться в рамках нескольких сообществ, подчиняясь разным правилам производства смыслов [Fish, 2010, p. 99–108].

Настоящая статья посвящена рассмотрению индивидуального опыта чтения воспитанника Архангельской духовной семинарии Петра Иванова, последовательно зафиксированного им осенью-зимой 1870–1871 гг. в «памятной книжке», имеющей характер читательского дневника. Документ фигурировал в качестве вещественного доказательства в деле об издании рукописного журнала «коммунистического направления». Хотя оно было прекращено лично С.С. Жихаревым, у этого случая были все шансы стать составной частью «дела о пропаганде в империи», расследование которого возглавлял саратовский прокурор [РГИА, ф. 1405, оп. 73, д. 6440, л. 1–2].

Случай Петра Иванов интересен сразу по нескольким причинам. Автор читательского дневника принадлежал к специфической когорте, описанной Т.А. Сабуровой и Б. Эклофом как поколение 1870-х гг. Историки выделяют круг чтения в качестве «поколенческого критерия идентификации», отмечая, вслед за М.Б. Могильнер [Могильнер, 1999, с. 30–31], превращение беллетристики в «нормативную реальность», в соответствии с которой стремились жить ее читатели [Сабурова, Эклоф, 2016, с. 60–70]. Можно с уверенностью утверждать, что представители поколения 1870-х гг. являются парадигматическим случаем интерпретативного сообщества, как его описывал С. Фиш.

Следует отметить, что Сабурова и Эклоф опираются на мемуарную традицию народников, не ставя вопросов о том, почему описание круга чтения является обязательным элементом автобиографических текстов и в какой мере выявленные ими свидетельства соответствуют читательскому опыту. В этом они следуют за долгой историографической традицией, помещающей тексты и их чтение в центр истории народнического движения. Исследования, посвященные народнической литературе, можно условно разделить на два жанра. С одной стороны, это работы, анализирующие идеологию народничества, авторы которых фокусируются на содержании сочинений признанных идеологов «трех течений» — П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина и П.Н. Ткачева, редко ставя вопрос об их восприятии [Твардовская, 1969]. С другой стороны, это исследования «книжного дела чайковцев» и их последователей, посвященные истории создания и распространения нелегальной литературы в течение 1870-х гг. и, как правило, избегающие вопроса о ее читателях [Захарина, 1971; Троицкий, 1991]. Таким образом, анализ памятной книжки Петра Иванова позволяет увидеть соотношение индивидуального чтения с нормами читательского сообщества, в которое он был включен, а также дает возможность усложнить картину чтения представителей поколения 1870-х гг. в сравнении с тем, как она описана в историографии.

Интерес представляет также жанр записей Петра Иванова. Несмотря на обширную литературу, посвященную дневникам и их подвидам [Зализняк, 2010], как правило,

в ней рассматривается функционирование записей о книгах внутри дневникового текста. Между тем дневник чтения как самостоятельный феномен, за редким исключением, находится за пределами внимания исследователей [Weiss, 2017; Secord, 2010]. Не ставя перед собой задачу восполнить этот пробел, я хочу сфокусироваться на вопросе, почему вообще читательский опыт необходимо было фиксировать в отдельной «памятной книжке» и по каким правилам такая фиксация происходила. Таким образом, я надеюсь уйти от широких обобщений о значении литературы как «учительницы жизни» и способа самоидентификации поколения 1870-х гг. и рассмотреть рутинные практики повседневного чтения.

В качестве семинариста Петр Иванов должен был подчиняться правилам, регламентирующим содержание и способы чтения духовных воспитанников. В силу особенностей семинарий, задачей которых была подготовка будущих священников, внимание к тому, что читают ученики, было в них гораздо более пристальным, а рамки дозволенного чтения уже, чем в светских учебных заведениях. Устав духовных семинарий 1867 г. содержал отдельный параграф, рекомендовавший поощрять «чтение учениками полезных книг под руководством учителей» [Устав..., 1867, с. 29]. В 1872 г., озаботившись содержанием семинарских и училищных библиотек, учебный комитет при Синоде разработал «Правила касательно приобретения книг в ученические библиотеки и порядка чтения оных учениками». В них были включены рекомендации учителям, как приучать подопечных к чтению «серьезной» литературы. Во время подготовки к урокам можно было читать только книги по предметам, а в свободное время — и другие книги, но только из ученической библиотеки. Семинаристам следовало читать «скоро и внимательно», не пропуская «отвлеченные и менее понятные слова», а также «вносить в заведенные для того тетради что-либо особенно замечательное, как по мысли, так и по изложению» [РГИА, ф. 797, оп. 42, д. 56, л. 4об.–5]. Уже из этой рекомендации видно, что записи по ходу чтения были поощряемой практикой. Следуя этим правилам, семинаристы должны были не просто конспектировать содержание прочитанного, но и делать выписки, по-видимому, тренируя собственный стиль «изложения».

Надо сказать, что общие рекомендации учебного комитета Синода мало отличались от тех норм, которые выработало для себя поколение 1870-х гг. под влиянием наставлений «властителей дум» 1860-х гг.: читать «серьезную» литературу и вести заметки о прочитанном. Правила ведения записей наиболее артикулировано представлены в письмах за 1876 г. другого представителя поколения Дмитрия Ашеновского брату Василию. Пытаясь руководить чтением младшего брата-гимназиста, рекомендуя ему «новое, полезное и увлекательное» и прямо порицая чтение «Графа Монте-Кристо», ссыльный студент требовал: «Заведи себе тетрадку и записывай, что читаешь, со своими заметками [...] прочтешь что-либо, разыщи рецензию где-нибудь в журнале и прочти, а там и выскажи свое мнение, ибо критика есть ничто иное как оценка какого-либо произведения, основанная на известных данных, которые и высказываются в разборе» [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 93, л. 9–9об.].

В наставлениях Ашеновского чтение было только частью сложного интеллектуального процесса, требующего, с одной стороны, соотнесения своего опыта прочтения с опытом авторитетного другого – «разыщи рецензию». С другой стороны, чтение не должно было быть простым усвоением прочитанного текста и комментариев к нему сотрудников толстых журналов. Записи должны были стать первым шагом на пути выработки «критика» в себе самом. Читатель 1870-х гг. не доверял авторитету, но стремился сам оказаться на месте критика и посвятить жизнь «литературной работе». На это должен был работать и рекомендованный Ашеновским порядок чтения: сначала произведение, потом чужая рецензия, а в финале – собственный текст.

Необходимость сверяться с оценками «властителей дум» соседствовала с отказом принимать на веру доверять безоговорочно мнению старшего брата: «... всякую мысль следует разобрать [...], этим способом критического анализа уясняется истина» [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 93, л. 5об.–6]. Таким образом, ведение читательского дневника служило не для фиксации прочитанного или тренировки памяти. Оно было инструментом работы над собой, которая заключалась не в перестройке личности по готовым лекалам, предложенным литературой, а в выработке собственного мнения и заодно литературного стиля.

Разумеется, последние цели приходили в противоречие с преклонением перед «властителями дум», о котором мы знаем из автобиографических текстов представителей поколения 1870-х гг. Наиболее показательным и близким к опыту Петра Иванова примером является полемика об авторитете на полях статьи «Наше учение» Платона Иванова, младшего брата Петра. В статье для рукописного журнала «Развитие» семинарист рассматривал народное пьянство и требовал, вынося суждение о его причинах, не верить «начальству» и не повторять чужих слов, подобно попугаю. «Горько обманываются те, которые верят чему бы то ни было без рассуждения, без доказательства и оснований, полагаясь на авторитет», – писал начинающий публицист. Дальше шли рассуждения об отношениях труда и капитала, научность которых подкреплялась ссылками на Чернышевского и Писарева. Наиболее критически настроенный анонимный читатель оставил на полях рукописи вопрос: «неужели все это плод твоих собственных размышлений?». Появление фамилии Писарева было отмечено им ироническим «а вот и авторитет». Призыв Иванова «обратиться к политико-экономистам» позволил рецензенту использовать против автора его же слова о попугае. «Тоже полагается на слово авторитетов. Почем знать, может быть, не основательно они говорят. По твоим воззрениям и [нрзб.] и ты животное, а не человек» [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 170–172].

Итак, Петр Иванов одновременно принадлежал как минимум к двум интерпретативным сообществам, правила обращения с текстами внутри которых в значительной мере пересекались. Различие между ними заключалось, собственно, в круге допустимого/желательного, хотя в обоих чтение «развлекательное» в равной мере осуждалось. С точки зрения учебного комитета Синода, учащиеся

семинарий, нарушая предписания, читали сочинения, «не соответствующие ни возрасту, ни понятиям их, ни вообще целям духовного обучения и воспитания» [РГИА, ф. 797, оп. 42, д. 56, л. 3об.]. В свою очередь семинаристы из кружка, сложившегося вокруг рукописного журнала, рассматривали свое образование и обязательное учебное чтение как бесполезные: «Сей год наша семинария уделила также порядочно драгоценных мыслителей народу. Представьте себе, они в продолжении всего [нерзб.] не прочитали ни одной дельной книги. А много ли пользы будет от наших казенных предметов народу?» [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 33]. Читательский дневник Петра Иванова молчит об учебной литературе, которую, вероятно, он все-таки читал, готовясь к занятиям, т.е. в нем зафиксирован только опыт представителя сообщества, которое составляли радикально настроенные молодые люди 1870-х гг.

Всего в памятной книжке содержатся отметки от 60 сочинениях, побывавших в руках семинариста осенью-зимой 1870–1871 гг. Из них 25 отмечены Ивановым как статьи из журнала «Дело» (№ 1–12 за 1868 г.; № 10–12 за 1869 г.; № 2, 8 за 1870 г. и № 1 за 1871 г.) и еще 2 – журнала «Русское слово» (№ 1 и 5 за 1864 г.). Таким образом, почти половину прочитанного Ивановым составляли журнальные статьи, а также романы и повести, публиковавшиеся в «Деле». Всего Ивановым упомянуты 20 томов журналов.

Очевидно, что эта библиотека не принадлежала ему лично. Напротив некоторых произведений стоят пометки в роде: «Это я читал наскоро [...]. ...вообще нужно прочитать 11 и 12 кн[иги] Д[ела] за [18]68 г.» [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 72об.]. Книги также попадали к Иванову на короткий срок. Например, из работы антрополога Э.Б. Тайлора «Доисторический быт человека и начало цивилизации» «Язык жестов только лишь и удалось прочитать, а нужно непременно бы прочитать» [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 82]. Следовательно, Иванов прочитал только первые три главы, примерно 1/8 книги.

Все прочитанные Ивановым сочинения делятся на три категории: беллетристику (30), публицистику (18) и научные сочинения (12). Если учесть, что пять публицистических работ и одна научная («История французской литературы XVIII в.» Геттнера) были посвящены разбору художественной литературы, то окажется, что именно она составляла основное чтение молодого человека. Это видно не только по количественным данным, но также по характеру записей: кроме пересказа фавулы произведений, в них есть комментарии и эмоциональные характеристики, которых не содержится в заметках о публицистике или научной литературе.

Повседневное чтение тенденциозной художественной литературы, в большом количестве поглощавшейся поколением 1870-х гг., способствовало молодежному протестному движению не в меньшей степени, чем публицистика Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева и Н.Г. Чернышевского, научные труды материалистов или идейные искания П.Л. Лаврова, П.Н. Ткачева и М.А. Бакунина. Ее влияние до сих пор недооценено исследователями, поскольку в большинстве своем она

затмевается именами и книгами первого ряда [Колесникова, 2005]. Из всего, прочитанного Ивановым, в воспоминания народников об их юношеском чтении попал только роман Ф. Шпильгагена «Один в поле не воин», а также А.К. Шеллер-Михайлов, но скорее, как автор запрещенной книги «Производительные ассоциации». Приукрашая реальность, мемуаристы в основном писали о себе как о читателях серьезных книг, поэтому в их списки литературы, оказавшей влияние на становление поколения, трагические истории вроде повести М.В. Авдеева «Магдалина» не попали. Между тем Иванов записал по почтению: «Эта повесть так хорошо врезалась мне, что едва ли нужно писать ее содержание» [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 72]. При этом художественная литература скорее была источником впечатлений, а не идей. Иванов сделал единственную выписку из романа Эркмана-Шатриана, во всех остальных случаях он просто пересказывал сюжет или фиксировал свои эмоции.

Художественную литературу, выбранную Ивановым для чтения, безусловно, можно назвать тенденциозной. Все сочинения принадлежали узкому кругу современных радикальных писателей, как европейских, так и российских. Единственным исключением был «Отелло», по-видимому, прочитанный для расширения кругозора, поскольку постоянные ссылки критиков 1860-х гг. на героев Шекспира сделали английского драматурга автором, обязательным к прочтению. Иванов записал, что произведение «не произвело [...] какого-то особенного впечатления». На той же странице есть запись о собрании сочинений немецкого публициста Л. Бёрне, написавшего, кстати, несколько статей о «Гамлете». Она дает представление о другой возможной реакции на книгу: «Ах, как понравились эти сочинения! А слог-то, слог-то, как нож. Вот настоящий певец свободы, особенно мне понравились стихи» [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 82].

Судя по записям, Иванов прочитал три книги Шпильгагена («Между молотом и наковальней», «Один в поле не воин», «Загадочная натура») и пять романов Шеллера-Михайлова («Господа Обносковы», «Жизнь Шупова, его родных и знакомых», «В разброд», «Под гнетом окружающего», «Гнилые болота»). Все это были сочинения, написанные и изданные в 1860-х гг., т.е. представлявшие последнее слово новейшей литературы. Любимым писателем Иванова, очевидно, был Михайлов. Заметки о его романах сопровождаются восторженными отзывами: «Михайлов просто меня восхищает! Во всех его романах герои достигают своих благородных целей, хоть какие бы препятствия не встретились». Пересказав «Жизнь Шупова», семинарист оставил комментарий к финалу романа (герой поступил в Петербургский университет и сделался «настоящим человеком»): «желал бы я быть подобным» [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 72об., 69об.].

Все прочитанные Ивановым художественные произведения либо рассказывали о борьбе протагонистов с несправедливым порядком современного общества, либо живописали тяжелую долю рабов, крепостных, крестьян, рабочих, женщин. Первые создавали образец поведения для читателей, вторые – будили в нем жалость и гнев. К первому типу, кроме романов Михайлова и Шпильгагена, относится также

ряд публикаций журнала «Дела». Типичным примером такого рода литературы можно назвать рассказ М.Е. Селенкиной «Сашенька Кропачева» из № 2 журнала «Дело» за 1869 г. Его героиня, окончив гимназию, не выходит замуж, а уезжает работать учительницей в деревню, где «учит мальчиков ремеслам, помогает крестьянам, облегчает их труд и усовершенствует их работы» [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 74об]. Ко второму типу относятся «Подлиповцы» Ф.М. Решетникова, «Воля. Два романа из быта бедных» Г.П. Данилевского, три очерка «Из истории рабства», «Большая душа» А. Машина. Реакция Иванова на страдания народа, описанные в художественно литературе, была довольно однотипной: «[...] сначала описывается положение крестьян перед этим временем [французская революция 1789 г. — Ю.С.]. Вот бедняги-то так уж бедняги», «А крестьяне-то бедные! нигде им нет места» и т.п. Там же встречаются выпады против конкретных угнетателей или власти вообще: «О правительство, правительство. Ничтожество тебе имя». [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 65об. –67].

Два типа литературы прекрасно дополняли друг друга, создавая непротиворечивую картину мира. Жизнь простого народа несправедлива и полна страданий, но может быть исправлена «настоящим человеком», который со школьной скамьи будет трудиться над собой, преодолет различные препятствия и в конце концов либо станет учить крестьян, либо, подобно герою Шпильгагена, реализовывать на принадлежащей ему фабрике социалистические принципы («С рабочими стал обращаться отлично, по-братски, прибыль делил поровну между собою и рабочими» [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 88]), либо спасти женщину, но во всех случаях жить «трудоустройкой».

Судя по выбору литературы, а также заявлениям о желании строить свою жизнь в соответствии с предложенными ею образцами, Петр Иванов был настолько типичным представителем своего поколения, что, на первый взгляд, изучение его записей кажется малопродуктивным. Это впечатление обманчиво. Как только мы переходим к обращению семинариста с публицистикой и научной литературой, т.е. более сложными для восприятия текстам, которые нельзя свести к фабуле, его опыт чтения становится все менее проблематичным.

Публицистические статьи о художественной литературе Добролюбова, Писарева, Шелгунова и Ткачева, прочитанные Ивановым, должны были усиливать воспитательный эффект беллетристики. Так, П.Н. Ткачев в статье «Люди будущего и герои мещанства» разбирал четыре романа, только что вышедшие на русском языке: «Один в поле не воин» Ф. Шпильгагена (1868 г.), «Феликс Гольт. Радикал» Д. Элиот (1867 г.), «Скандалный брак» А. Лео (1867 г.) и «Мадмуазель Меркем» Ж. Санд (1868 г.). В статье критик заявлял, что эти романы показывают «... не только современного человека, *каким он есть, но и каким он должен быть* (курсив автора. — Ю.С.)» [Ткачев, 1868, с. 77], таким образом задавая читателю рамку для восприятия.

Статья Ткачева была построена не только на противопоставлении людей будущего и героев мещанства, но и двух разных читателей. Содержание романов

разбиралось от имени «филистера», который находил поступки протагонистов глупыми и бессмысленными. В противовес этому мнению воображаемого читателя Ткачев представлял свое собственное: «... не сумасброды, а самые трезвые и положительные деятели» [Ткачев, 1868, с. 79]. Разумеется, если читатель Ткачева не хотел быть «филистером», ему необходимо было разделить «правильный» взгляд на содержание романов. «Людьми будущего называет их потому, что они определили свое время, предвосхитили те идеи, которые будут проповедоваться в будущем. Их нельзя назвать ни героями, ни гениями, ни аскетами, как их называют филистеры», — фиксировал Иванов, очевидно, также не желавший быть причисленным к обывателям [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 75].

Идеал, на достижение которого работают «люди будущего» и который П.Н. Ткачев постоянно проговаривал в своем разборе, — общее благо, достигаемое с помощью облегчения участи народа, — не был упомянут Ивановым в дневнике. Возможно, он мог казаться семинаристу очевидным и не нуждающимся в комментариях, поскольку и сам публицист называл его «идеей, разработанной, популяризированной и доведенной до почти математической ясности» [Ткачев, 1868, с. 87]. Для Иванова сюжет роман «Один в поле не воин», единственного прочитанного им произведения из разбора Ткачева, сводился к попыткам главного героя Лео «облегчить положение рабочего класса [...] всевозможными способами» [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 75].

Иванов отметил в качестве основной идеи статьи только то, что относилось к названию и было представлено на первых трех страницах: обыкновенность, «нормальность» людей будущего. Между тем анализ П.Н. Ткачевым четырех романов строился вокруг остро стоявшего в это время «женского вопроса». Рассуждая об идеале и нравственных принципах «людей будущего», Ткачев проверял их через отношение к женщине и даже в самых прогрессивных персонажах находил изъяны. Эта проблема не нашла отражения ни в записи Иванова о статье, ни в его собственной интерпретации романа Шпильгагена. Содержание «Один в поле не воин», прочитанного семинаристом после работы Ткачева, определялось только заглавием: «Да, действительно, один в поле не воин. И это будет до тех пор, пока все не соединяться для общего дела» [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 81]. Как раз о необходимости объединения для достижения идеала у Ткачева, возможно, по цензурным соображениям, не было сказано ни слова. Таким образом, у нас нет возможности узнать, действительно ли Иванов полностью прочитал статью. По его кратким записям можно судить только о том, что в интерпретации прочитанного романа он не шел вслед за влиятельным критиком, упрощая содержание романа Шпильгагена до лозунга, вынесенного в название. Таким образом, необходимая интеллектуальная работа, включающая знакомство с критикой и формулирование своего «мнения», редуцировалась до беглого и, вероятно, неполного чтения статьи Ткачева.

Поскольку всего этому роману Шпильгагена Иванов уделили три предложения, трудно обнаружить в его записи самостоятельную работу мысли. Чуть более очевидна «критическая» манера чтения в тексте о другом сочинении немецкого

романиста «Загадочная натура». Приведу его целиком: «Этот роман Шпильгагена представляет немца-идеалиста. Освальд — доктор гоняется за каким-[то] идеалом, но нигде не может его найти. Он был домашним учителем у барона Гренвиц[а]. С одним из мальчиков барона сдружился, но потом вскоре умер. Влюбляется в Мелиту соседнюю дворянку, а потом в Елену, дочь барона Гренвица. Характер этой последней удивителен в этом обществе. Ее хотели выдать замуж за аристократа-кузена Феликса Гренвица, но она не захотела и не пошла. Освальд на дуэли ранит Феликса и совершенно расходитсЯ с Мелитой. Последняя уезжает к доктору медицины, своему другу. Кроме немца-идеалиста, тут страшно осмеивается слой дворян-аристократов» [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 81об.]

В этой записи видна способность читателя вычленить социальную направленность романа, обозначив объекты критики автора: немец-идеалист и дворяне-аристократы. Очевидно, фигура идеалиста была известна Иванову из многочисленной литературы о «лишних людях». За записью об «удивительном в этом обществе» характере Елены также скрывается долгая дискуссия о «женском вопросе». Собственно, «удивление» Елене и обозначение авторской позиции как «осмеяния» идеалистов и дворян и является «мыслями» Иванова о прочитанном, едва намеченными и, безусловно, вторичными.

Круг чтения Ивановым публицистических произведений был определен содержанием доступных ему номеров журналов «Дело» и «Русское слово». Семинарист читал статьи Н.В. Шелгунова, П.Н. Ткачева, П.В. Засодимского и А.П. Щапова. Из-за этого выбор тем оказывался довольно хаотичным: история, литературная критика, государственный бюджет и система образования. Менее случайным было знакомство со статьями Н.А. Добролюбова и Д.И. Писарева, поскольку их работы Иванов читал из томов собраний сочинений. По-видимому, публицистика воспринималась как серьезный источник знаний, поскольку семинарист делал из нее выписки. При этом, как было показано выше, хотя «критика» признавалась обязательным чтением развитого человека, она могла и не оказывать на него влияния.

Проблематика журнальных статей, прочитанных Ивановым, в целом совпадала с тем, что содержалось в художественной литературе: страдания народа и способы воспитания «настоящего человека». Так, из статьи С. Шашевича о царствовании Екатерины II читатель выписал поразившие его факты: «Например помещ[ица] Салтыкова убила в 10 лет 150 ч[еловек], даже жарила груди женщин себе на жаркое. А другая помещ[ица] так, когда кушала щи, велела драть кухарку так, себе для забавы. Вообще положение крестьян самое худое...» [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 68]. Более общая статья Н.В. Шелгунова о допетровской Руси спровоцировала Иванова отнюдь не на выписки о подвигах русских первопроходцев, о которых Шелгунов писал с восхищением. Семинарист конспектировал части, посвященные бедности русской природы и духовной жизни, повальному пьянству и притеснению слабых: «Когда разных налогов и податей народ не мог платить, то его ставили на правож. Кроме государств[енных]поборов и помещики грабили страшно» [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 105].

Шесть из публицистических статей, прочитанных Ивановым, были посвящены теме образования. В большинстве своем они содержали критику существующей системы на всех ее уровнях, начиная от автобиографических заметок Д.И. Писарева о его обучении в университете и заканчивая критической статьей П.В. Засодимского, рассматривавшего порядки в конкретной женской гимназии. Хотя ближе всего к собственному опыту Иванова была статья Д.И. Писарева «Погибшие и погибающие», посвященная роману Н.Г. Помяловского «Очерки бурсы» («находит, что жизнь бурсаков хуже, чем жизнь каторжан» [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 69об.]), заинтересовала его не она.

Подробнее всего в дневнике представлена статья А.П. Щапова «Реальная школа и народная экономия» (у Иванова «народная школа»), описывающая проект создания агрономических ассоциаций и обучения народа через демонстрацию передовых технологий сельского хозяйства на образцовых фермах. Примерно 2/3 статьи Щапова посвящено акклиматизации и приручению диких животных. Многочисленные исторические примеры и статистические выкладки Щапова на эту тему Иванов уместил в два предложения: «В Европе спрос на животную пищу увеличивается, а между тем продукты эти вырождаются, вследствие чрезмерного их истребления. [...]...можно увеличить число домашних животных, приручив некоторых из диких животных и птиц и акклиматизировать других». Ошибка в названии лучше всего указывает на истинный интерес семинариста: «народная школа» вместо «народной экономии». Собственно, детально зафиксированы им только те две страницы, где Щапов доказывал, что школы при разнообразных производственных ассоциациях — единственный способ дать образование народу: «...на первой поре только прямая выгода, польза от науки, от знаний может мало-помалу обратить наши многочисленные провинциальные рабочие массы к свету естествознания» [Щапов, 1870, с. 200]. Выписка Иванова содержит отметку с номер страницы, что вообще не характерно для его записей. Видимо, он предполагал в дальнейшем воспользоваться цитатой в каких-то целях: для составления реферата, в качестве аргумента в дискуссии или как руководство к действию. Никаких собственных комментариев читателя, кроме характерного переименования названия, запись не содержит.

Похожим образом была законспектирована статья Н.В. Шелгунова «Вопросы русской жизни. Школа», в которой, кроме критики классицизма, была представлена позитивная программа. Иванов не просто отметил аргументы Шелгунова в пользу реального образования, основанные на американских примерах, но выписал точную цитату: «Без естествознания немислимы ни современная цивилизация, ни будущий прогресс человечества, а довольствоваться системами и теориями гуманитаров, значит выходить на борьбу против штуцеров с луками и стрелам» [Шелгунов, 1868, с. 290]. По поводу второй части этой же статьи Шелгунова «Жизнь» стоит пометка: «Это я читал наскоро и не понял почти. Тут сначала говорит что-то о достоинстве, потом о всех тех плутнях, которые встречаются в жизни. Нужно снова прочитать» [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 78об.]. Это повторяет реакцию Иванова на

художественные произведения: романы Шеллера-Михайлова, по которым можно было строить жизнь, вызывали у него больший эмоциональный отклик, чем мрачные картины безнадежной окружающей действительности.

Наблюдение за обращением Иванова с публицистикой позволяет увидеть, насколько текст может не совпадать с его прочтением, а указание на знакомство с тем или иным сочинением — не говорить о характере ознакомления. Выполняя программу «серьезного» чтения, семинарист в действительности мог проглядывать и пролистывать публицистические статьи, «читать наскоро», выборочно или не читать вовсе. Очевидно, что его внимание было сфокусировано на тех практических аспектах, которые считались важными поколением 1870-х гг.: реальное знание и помощь народу, при этом его, например, «женский вопрос», бывший в центре публицистики 1860-х гг., интересовал его очень поверхностно. Наиболее ценным является признание Ивановым непонимания статьи Шелгунова, позволяющее задать главный вопрос: а что вообще читатели, имевшие от роду шестнадцать или двадцать лет, понимали в том массиве «серьезной» литературы, которую они с таким старанием поглощали? Частично ответить на него можно, опираясь на записи Иванова о научных работах.

Чтение ученых трудов должно было служить реализацией того идеала, о котором постоянно говорили с поколением 1870-х герои и авторы художественных произведений и публицистических статей: саморазвитию и получению «реальных знаний». Н.В. Шелгунов учил своего читателя: «Реалист знакомится и с физикой, и с химией, и с физиологией. [...] Реалисту дается возможность добывать себе хлеб практически полезными знаниями» [Шелгунов, 1868, с. 302]. Выполняя эту программу, Иванов изучал «реальную» науку по книгам, изданными в России в течение 1860-х гг. Вероятно, сочинение Р. Оуэна 1813 г. «Опыты об образовании человеческого характера» тоже было для него новинкой, поскольку переиздано на русском языке было в 1865 г. Кроме просмотренных или недочитанных книг Дрейпера, Тайлора и статьи о Дарвине, семинарист «немного читал» популярную работу Тинадаля «Тепло и холод» (1869)¹ и «не дочитал» «О положении человека в ряду органических существ». Т.Г. Гексли. Другая книга Т.Г. Гексли «О причинах явлений в органической природе» вовсе была оставлена без комментариев. По-видимому, бегло Иванов познакомился с книгой Г. Геттнера о французской литературе («Что за личность Вольтер? Дидро?») и третьим томом сочинений Г. Спенсера, ссылку на которого можно было встретить у того же Шелгунова. Из всех сочинений Спенсера Иванов обратил внимание только на работу «Умственное, нравственное и физическое воспитание» («Воспитание — приготовление к последующей жизни») [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 68об., 88]. Им также была сделана выписка из второй страницы «Истории философии от начала ее в Греции до настоящих времен» Д.Г. Льюиса, рецензию на которую Ткачева он вполне мог читать в «Русском слове» за 1866 г.

¹ Это могла быть как книга для взрослых «Популярные лекции Джона Тинадаля. Тепло и холод. Материя и сила», так и «Тепло и холод: Шесть лекций, чит. детям Джоном Тиндалем», т.к. обе изданы в 1869 г.

Из двенадцати научных работ, отмеченных в дневнике, были хоть сколько-то подробно законспектированы только четыре. Три из них относятся к столь высоко ценимому естественнонаучному знанию. Кроме недочитанной работы Гексли, это были знаменитые и символически важные «Физиологические письма» К. Фохта, а также совершенно не фигурирующие в мемуаристке «Начала мира» П. Жувенселя. Собственно, последняя книга французского публициста была для Иванова фундаментом его «саморазвития», тем более что она была написана французским популяризатором науки, чтобы «всякому можно было познакомиться хоть маломальски с современными науками» [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 89об.]. Из нее семинарист потрудился выписать определения науки, пространства, силы, теплоты, массу математических и астрономических понятий и т.д. «Физиологические письма», напротив, снабдили его единственным примечательным фактом, что «у людей на старости голова бывает меньше, потому что в старости мозг делается меньше» [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 100об.]. Таким образом, знакомство Иванова с современным естественнонаучным знанием в основном свелось к популярной книге Жувенселя. Обширные выписки из нее демонстрируют значимость базовых научных понятий и желание овладеть основами так высоко ценимого «реального» знания. С другой стороны, отсутствие выписок из других работ говорит скорее не о лености семинариста, а о недоступности научных сочинений для понимания. Так же, как Иванов не был способен передавать основную идею художественных и публицистических произведений, а только фиксировал сюжет или порядок изложения, он не мог систематически анализировать аргументы из научных трудов. Скорее всего, его чтение ограничивалось первыми несколькими страницами введения к научным книгам, которые позволяли ему отмечать знакомство с ними в читательском дневнике.

Последняя из «серьезных» книг и последняя книга в дневнике — это сочинение утописта Р. Оуэна «Образование человеческого характера». Иванов прочитал из нее первые два очерка, т.е. примерно одну треть, но при этом сделал обширные выписки с указанием страниц, откуда взяты цитаты. Пожалуй, книга Оуэна, написанная к тому же простым языком, была для Иванова таким же «учебником» социологии, как Жувенсель — естественных наук. К тому же сочинение Оуэна полностью совпадало с тем взглядом на мир, который предлагали своим читателям романисты и публицисты: «...личного счастья можно достигнуть только способствуя счастью всего общества», «Устраните обстоятельства, способствующие преступлениям — и преступлений не будет», «Воспитывайте разумно какое угодно население — и оно будет разумно» и т.д. Максимы о невинности необразованной массы в своем положении и совершаемых преступлениях совпадали с историями о страданиях Пилы и Сысойки из романа «Подлиповцы», Маши из рассказа «Грешница» и других прочитанных Ивановым сочинений. Обещание Оуэна дать «простой прекрасный план» создания общества «без праздности, бедности, преступлений и наказаний» отвечало исканиям способа исправить несовершенство современного общества [РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 62, л. 108об.-114]. Утопическое сочинение полувековой давности давало семинаристу самый ясный ответ на «проклятые вопросы» современности.

Зафиксированные в памятной книжке Петра Иванова практики индивидуального чтения, на первый взгляд, в полной мере соответствуют нормам читательского сообщества, которое объединяло радикально настроенных молодых людей. Хотя из 60 упомянутых текстов только роман Шпильгагена «Один в поле не воин» входит в списки книг, важных для поколения 1870-х гг., как они реконструируются по автобиографическим текстам, эклектичность круга чтения Иванова, кажется, компенсируется авторитетом выбранных журналов. Семинарист читал «серьезную», остросоциальную, современную литературу, которая должна была подготовить его к деятельной работе на благо народа.

В то же время внимательное изучение не того, что Иванов читал, а того, как и что он *прочитывал*, вынуждает признать, что его чтение было не только эклектичным, но также выборочным и поверхностным. Испытывая потребность опереться на авторитет признанных «властителей дум» 1860-х гг. и достижения «реальной науки», семинарист не всегда имел достаточно времени для того, чтобы познакомиться с той или иной книгой или статьей целиком. Важнее, однако, то, что ему не всегда хватало интеллектуальных способностей для понимания сложных текстов, как публицистических, так и научных. В результате основу его картины мира составляла тенденциозная беллетристика, на которую Иванов реагировал скорее эмоционально, чем рационально, сопереживая бедным и угнетенным или восхищаясь героями романов воспитания. Попытки высказать собственное мнение о том или ином произведении были спорадическими и едва ли могли претендовать на серьезную критику. Так же обстояло дело с научной литературой. Хотя Иванов держал в руках работы Дарвина и Фохта, доступны для понимания были не они, а популярные брошюры о естествознании.

Нельзя сказать, чтобы Петр Иванов составлял печальное исключение из когорты его более интеллектуально развитых сверстников, какими обычно предстают деятели народнического движения в своих автобиографических текстах. Скорее он был среднестатистическим читателем из провинциального города, пытавшегося следовать правилам, принятым в интерпретативном сообществе, на принадлежность к которому он претендовал. Для своего младшего брата Платона и его друзей, издававших рукописный журнал, однозначно идентифицированный жандармами как «коммунистический», Петр Иванов был признанным авторитетом и объектом для подражания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: РОС-СПЭН, 2000. 272 с.

Зализняк А. Дневник: к определению жанра // *Новое литературное обозрение*. 2010. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/6/dnevnik-k-opredeleniyu-zhanra.html> (дата обращения – 5 июня 2021 г.).

Захарина В.Ф. Голос революционной России: Литература революционного подполья 70-х годов XIX в.: «издания для народа». М.: Мысль, 1971. 238 с.

Колесникова Л.А. Мемуары революционеров 1870-х годов об идейно-психологическом воздействии на них литературы // *Вопросы истории*. 2005. № 5. С. 96–105.

Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 42.1 отд. 2 стол. Д. 56.

РГИА. Ф. 1405. Оп. 73. Д. 6440.

РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62.

РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 93.

Сабурова Т., Эклоф Б. Дружба, семья, революция. Н. Чарушин и поколение народников 1870-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.

Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х годов. М.: Наука, 1969. 241 с.

Ткачев П.Н. Люди будущего и герои мещанства // *Дело*. 1868. № 4.

Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. 312 с.

Устав православных духовных семинарий. Б.м., 1867. 53 с.

Шелгунов Н.В. Вопросы русской жизни // *Дело*. 1868. № 12. С. 286–310.

Щапов А.П. Реальная школа и народная экономия // *Дело*. 1870. № 2. С. 186–208.

Allington D. On the Use of Anecdotal Evidence in Reception Study and the History of Reading in Reading // *History: New Methodologies from the Anglo-American Tradition*. London: Pickering & Chatto, 2010. Pp. 11–28.

Darnton R. First Steps toward a History of Reading // *Australian Journal of French Studies*. 1986. Vol. 23. Pp. 5–30.

Fish S. What Makes an Interpretation Acceptable? // *History: New Methodologies from the Anglo-American Tradition*. London: Pickering & Chatto, 2010. Pp. 99–108.

Jauss H.R. Literary History as a challenge to Literary Theory // *History: New Methodologies from the Anglo-American Tradition*. London: Pickering & Chatto, 2010. Pp. 71–79.

Secord J.A. Self-development // *History: New Methodologies from the Anglo-American Tradition*. London: Pickering & Chatto, 2010. Pp. 361–373.

Weiss L.J. "All Are Instructive If Read in a Right Spirit": Reading, Religion, and Instruction in a Victorian Reading Diary // *Library & Information history*. 2017. Vol. 33. № 2. Pp. 97–122.

REFERENCES

Ginzburg K. *Syr i chervi. Kartina mira odnogo mel'nika, zhivshego v XVI v.* [The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth Century Miller]. Moscow: ROSSPEN, 2000. 272 p. (in Russian).

Zaliznyak A. Dnevnik: k opredeleniyu zhanra [Diary: towards the definition of the genre], in *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. 2010. No 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/6/dnevnik-k-opredeleniyu-zhanra.html> (accessed 5 July 2021).

Zakharina V.F. *Golos revolyutsionnoi Rossii: Literatura revolyutsionnogo podpol'ya 70-kh godov XIX v.: "izdaniya dlya naroda"* [The Voice of Revolutionary Russia: Literature of the Revolutionary Underground of the 1870s: "Publications for the People"]. Moscow: Mysl', 1971. 238 p. (in Russian).

Kolesnikova L.A. Memuary revolyutsionerov 1870-kh godov ob ideino-psikhologicheskom vozdeistvii na nikh literatury [Memoirs of the revolutionaries of the 1870s about the ideological and psychological influence of literature], in *Voprosy istorii*. 2005. No 5. Pp. 96–105 (in Russian).

Russian State Historical Archive (RGIA). F. 797. Op. 42. I ottd. 2 stol. D. 56.

RGIA. F. 1405. Op. 73. D. 6440.

RGIA. F. 1410. Op. 1. D. 62.

RGIA F. 1410. Op. 1. D. 93.

Saburova T., Eklof B. *Druzhiba, sem'ya, revolyutsiya. N. Charushin i pokolenie narodnikov 1870-kh godov* [Friendship, family, revolution. N. Charushin and generation of narodniks of 1870s]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2016. 448 p. (in Russian).

Tvardovskaya V.A. *Sotsialisticheskaya mysl' Rossii na rubezhe 1870–1880-kh godov* [Socialist thought in Russia at the turn of the 1870s–1880s.]. Moscow: Nauka, 1969. 241 p. (in Russian).

Tkachev P.N. Lyudi budushchego i geroi meshchanstva [People of the future and heroes of philistinism], in *Delo*. 1868. No 4. (in Russian).

Troitskii N.A. *Pervye iz blestyashchei pleyady (Bol'shoe obshchestvo propagandy 1871–1874 gg.)* [The first of the brilliant galaxy (the Great Propaganda Society 1871–1874)]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1991. 312 p. (in Russian).

Ustav pravoslavnykh dukhovnykh seminarii [Charter of Orthodox Theological Seminaries]. B.m., 1867. 53 p. (in Russian).

Shelgunov N.V. Voprosy russkoi zhizni [Questions of Russian life], in *Delo*. 1868. No 12. Pp. 286–310 (in Russian).

Shchapov A.P. Real'naya shkola i narodnaya ekonomiya [Realschule and public economy], in *Delo*. 1870. No 2. Pp. 186–208 (in Russian).

Allington D. On the Use of Anecdotal Evidence in Reception Study and the History of Reading in Reading, in *History: New Methodologies from the Anglo-American Tradition*. London: Pickering & Chatto, 2010. Pp. 11–28.

Darnton R. First Steps toward a History of Reading, in *Australian Journal of French Studies*. 1986. Vol. 23. Pp. 5–30.

Fish S. What Makes an Interpretation Acceptable?, in *History: New Methodologies from the Anglo-American Tradition*. London: Pickering & Chatto, 2010. Pp. 99–108.

Jauss H.R. Literary History as a challenge to Literary Theory, in *History: New Methodologies from the Anglo-American Tradition*. London: Pickering & Chatto, 2010. Pp. 71–79.

Secord J.A. Self-development, in *History: New Methodologies from the Anglo-American Tradition*. London: Pickering & Chatto, 2010. Pp. 361–373.

Weiss L.J. “All Are Instructive If Read in a Right Spirit”: Reading, Religion, and Instruction in a Victorian Reading Diary, in *Library & Information history*. 2017. Vol. 33. No 2. Pp. 97–122.

Статья принята к публикации 26.08.2021